

Ричард
Бротиган

В арбузном сахаре
Рыбалка в Америке

18+

Ричард Бротиган
В арбузном сахаре. Рыбалка
в Америке (сборник)
Серия «XX век / XXI век – The Best»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39284252

*Ричард Бротиган. В арбузном сахаре. Рыбалка в Америке (сборник):
АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-111055-0*

Аннотация

В этот сборник вошли два наиболее знаковых произведения Бротигана 1960-х гг. – «В арбузном сахаре» и «Рыбалка в Америке».

Очаровательно безумный сюрреалистический роман «В арбузном сахаре», – странная сказка для взрослых, в которой действие происходит в причудливо-игрушечном «арбузном мире», где ставят памятники травам и тучам, обитают разумные и очень вежливые (но от того не менее плотоядные) тигры, а от цвета выращиваемых арбузов зависит очень и очень многое.

«Рыбалка в Америке», которая принесла автору мировую славу, двухмиллионный тираж и поистине культовый статус, неоднократно называлась критиками «антироманом», – это чисто модернистское произведение, в котором Бротиган сознательно

отказывается от привычных повествовательных форм и погружает читателя в область психоделического калейдоскопа мотивов и образов, понимаемых, скорее, интуитивно, нежели логически.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

В арбузном сахаре	7
Книга первая	7
Книга вторая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ричард Бротиган В арбузном сахаре. Рыбалка в Америке (сборник)

Richard Brautigan

IN WATERMELON SUGAR

TROUT FISHING IN AMERICA

Печатается с разрешения Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.

© Richard Brautigan, 1963, 1964, 1967, 1968

© Ianthe Brautigan Swensen, 1991, 1992, 1995, 1996

© Перевод. Ф. Гуревич, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ричард Бротиган (1935–1984) – знаковая фигура аме-

риканской арт-хаусной литературы XX века, самый яркий представитель «младшего поколения» битников, смелый экспериментатор в области смешения стилей, жанров и направлений. Пожалуй, мало в чьей творческой биографии среди писателей его поколения так точно отразилась судьба самого литературного движения битников с его оглушительной популярностью в среде интеллектуалов, сменившейся впоследствии раздраженным непониманием все той же аудитории и новым витком читательского интереса – уже в наши дни.

В арбузном сахаре

Книга первая **В арбузном сахаре**

В арбузном сахаре

В арбузном сахаре все свершилось и вершится вновь, значит, моя жизнь – в арбузном сахаре. Я расскажу тебе о ней, потому что я здесь, а ты далеко.

Где бы ты ни был, мы сделаем все, что можем. Слишком далеко, чтобы путешествовать, и не на чем путешествовать, кроме арбузного сахара. Он нам поможет.

Я живу в хижине около Смертидеи. Я смотрю на Смертидею в окно. Она прекрасна. Я закрываю глаза и касаюсь ее. Сейчас она прохладная и поворачивается, как игрушка в руке ребенка. Я не знаю, на что похожа эта игрушка.

В Смертидее очень тонкое равновесие. Нам подходит.

Хижина небольшая, но приятная и удобная, как моя жизнь; она сделана из сосны, арбузного сахара и камней, как почти все вокруг.

Мы заботливо слепили из арбузного сахара наши жизни

и отправили их путешествовать в глубину снов по длинным дорогам мимо камней и сосен.

У меня есть кровать, стул, стол и большой шкаф, где я держу свои вещи. У меня есть фонарь, в котором я жгу по вечерам форельно-арбузное масло.

Есть еще кое-что. Я расскажу тебе позже. У меня спокойная жизнь.

Я опять смотрю в окно. Сквозь длинный край облака светит солнце. Сегодня четверг, и солнце золотое.

Я вижу сосновый лес и реки, что текут сквозь сосновый лес. Вода в реках холодная и чистая, там водится форель.

Есть реки шириной всего в несколько дюймов.

Я знаю реку шириной в полдюйма. Знаю, потому что измерил ее и просидел рядом целый день. После полудня начался дождь. Мы все здесь зовем реками. Такие мы люди.

Я вижу арбузное поле и реки, что текут по арбузному полю. В сосновом лесу и на арбузном поле много мостов. Перед моей хижиной тоже есть мост.

Одни мосты сделаны из дерева, старого и покрытого серебряными крапинками, как дождь; другие из камней, собранных очень далеко, поэтому мосты построены по правилам этого далека; третьи – из арбузного сахара. Эти мне нравятся больше всех.

Из арбузного сахара мы делаем множество вещей – я расскажу тебе о них, – включая эту книгу, которая пишется около Смертидеи.

Все придет, путешествуя в арбузном сахаре.

Маргарет

Сегодня утром раздался стук в дверь. Я знал, кто это, – по стуку и по тому, как оно шло по мосту.

Оно наступает на единственную скрипучую доску. Всегда наступает. Я никогда не понимал, как такое может быть. Перед тем, как раздался стук в дверь, я как раз решал в уме грандиозную задачу: почему оно никогда не пройдет мимо этой скрипучей доски, почему никогда ее не перешагнет.

Я не отозвался на стук, мне не было до него дела. Я не хотел никого видеть. Я знал, для чего все это, но мне было безразлично.

Наконец оно перестало стучать и пошло по мосту обратно – разумеется, опять наступив на ту самую доску: длинную доску с кривыми гвоздями, прибитую много лет назад, так что теперь не исправить; потом оно ушло совсем, и доска замолчала.

Я могу ходить по мосту сто раз и никогда не встать на эту доску, но Маргарет ступает на нее всегда.

Мое имя

Тебе, наверное, интересно, кто я такой, но я из тех людей,

у которых нет обычного имени. Мое имя зависит от тебя.
Зови меня тем, о чем ты сейчас думаешь.

Если ты вспоминаешь о том, что произошло очень давно:
кто-то задал тебе вопрос, а ты не знал ответа.

Это мое имя.

Может быть, шел сильный дождь.

Это мое имя.

Или кто-то попросил тебя что-то сделать. Ты сделал. Тогда оно сказала, что ты сделал все неправильно – «Прости, ошибся», – и тебе пришлось делать что-то другое.

Это мое имя.

Может быть, это игра, в которую ты играл ребенком, или мысли, что медленно проплывали в твоём мозгу, когда ты был стар и сидел у окна в кресле.

Это мое имя.

Или ты гулял. А вокруг росло много цветов.

Это мое имя.

Может, ты смотрел, как течет вода в реке. С кем-то, кто тебя любил. Вы почти касались друг друга. Ты почувствовал прикосновение еще до того, как оно произошло. И оно произошло.

Это мое имя.

Или кто-то звал тебя из далекого далека. Голос звучал эхом.

Это мое имя.

Может, ты лежал в постели, уже почти засыпая, и вдруг

засмеялся чему-то, какой-то своей шутке – так хорошо заканчивать день.

Это мое имя.

Или ты ел что-то вкусное и на секунду забыл что, но продолжал жевать, потому что знал, как это вкусно.

Это мое имя.

Может, была полночь и огонь гудел в очаге, словно колокол.

Это мое имя.

Или тебе было плохо, когда она тебе все это рассказала. Неужели она не могла поговорить с кем-то другим – с тем, кто лучше понимает в таких делах.

Это мое имя.

Может, форель заплыла в пруд, но река оказалась всего восемь дюймов шириной, над Смертидеей сияет луна, а арбузное поле вытянулось так, что стало казаться, будто из каждого ростка поднимаются луна и темнота.

Это мое имя.

И как бы я хотел, чтобы Маргарет оставила меня в покое.

Фред

Когда ушла Маргарет, появился Фред. Мост его не интересовал. Он был ему нужен только для того, чтобы добраться до моей хижины. А что еще можно делать с мостом? Фред прошел по нему к моему жилью, только и всего.

Он просто открыл дверь и вошел.

– Привет, – сказал он. – Как дела?

– Ничего, – сказал я, – работаю потихоньку.

– Я с Арбузных Дел, – сказал Фред. – Пошли со мной завтра утром. Там интересная штука под прессом для досок.

– Хорошо, – сказал я.

– Договорились, – сказал он. – Увидимся за обедом в Смертидее. Говорят, сегодня готовит Полин. Должно быть вкусно. А то я уже устал от стряпни Эла. Овощи вечно пережарены, а морковка надоела. Если меня еще хоть раз накормят морковкой, я закричу.

– Да, Полин хорошо готовит, – сказал я. В этот момент меня не особенно интересовала еда. Я хотел побыстрее вернуться к работе, но Фред – мой кореш. Мне всегда было хорошо с ним рядом.

Какая-то странная вещица торчала из кармана фредова комбинезона. Мне стало интересно. Я никогда не видел ничего похожего.

– Что это у тебя в кармане, Фред?

– Нашел в лесу, когда шел с Арбузных Дел. Сам не знаю, что это такое. Никогда раньше не видел. А ты что думаешь?

Он достал эту штуку из кармана и протянул мне. Я не знал, как за нее взяться. Попробовал держать ее так, словно это одновременно цветок и камень.

– Как ее держат? – спросил я.

– Не знаю. Я вообще ничего про нее не знаю.

– Наверное, это одна из тех штук, которые Кипяток со своей бандой раскапывал в Забытых Делах. Никогда не видел ничего похожего, – сказал я и протянул вещицу Фреду.

– Покажу Чарли, – сказал он. – Может, Чарли знает. Он много чего знает про здешние штуки.

– Да, Чарли знает много, – сказал я.

– Ладно, я пошел, – сказал Фред. Он сунул вещицу обратно в карман. – До вечера, – сказал он.

– Пока.

Фред ушел. Он прошел по мосту, ни разу не задев доску, на которую всегда наступает Маргарет и которую она ни за что бы не пропустила, даже если бы мост был семь миль шириной.

Идея Чарли

Фред ушел, и пора было возвращаться к работе: макать перо в чернила из арбузных семечек и писать ими на бумаге со сладким запахом дерева, которую сделал Билл на древесном комбинате.

Вот список вещей и событий, о которых я расскажу тебе в этой книге. Нет смысла оставлять их на потом. Я могу рассказать тебе прямо сейчас, где бы ты ни...

1. Смертидея. (Хорошее место)
2. Чарли. (Мой друг)
3. Тигры, и как они жили, и какими они были красивыми,

и как они умерли, и как они говорили со мной, когда ели моих родителей, и как я говорил с ними, и как они перестали есть моих родителей, но моих родителей это не спасло, их уже ничего не могло спасти, и как мы разговаривали очень долго, и один из тигров помог мне с арифметикой, а потом они сказали, чтобы я ушел, пока они доедят моих родителей, и я ушел. Я вернулся ночью и сжег хижину. Так мы в то время поступали.

4. Статуя Зеркал.

5. Старый Чак.

6. Долгие прогулки, на которые я хожу по ночам. Иногда я часами стою на одном месте не шевелясь. (Даже ветер оставался у меня в руке)

7. Арбузные Дела.

8. Фред. (Мой кореш)

9. Стадион.

10. Акведук.

11. Док Эдвардс и школьный учитель.

12. Прекрасный форельный питомник в Смертидее, как его строили, и что в нем произошло. (Это превосходное место для танцев)

13. Похоронная Команда, Шахта и Рама-виселица.

14. Официантка.

15. Эл, Билл и другие.

16. Город.

17. Солнце и как оно меняется. (Очень интересно)

18. Кипяток, его банда и Забытые Дела, в которых они раньше копались; какие ужасы они творили, что с ними случилось потом, и как тихо и хорошо стало теперь, когда они все умерли.

19. Разговоры и все, что происходит здесь день за днем. (Работа, туалет, завтрак и обед)

20. Маргарет и та другая девушка, которая гуляла по ночам с фонарем, но никогда не подходила близко.

21. Все наши статуи и места, где мы хороним умерших, так что с ними всегда остается свет, который поднимается из их гробниц.

22. Моя жизнь, прожитая в арбузном сахаре. (Не самая плохая жизнь)

23. Полин. (Это самое приятное. Ты увидишь)

24. И эта двадцать четвертая по счету книга из всех, написанных здесь за 171 год. Месяц назад Чарли сказал мне:

– Похоже, тебе не нравится ваять статуи и вообще что-то делать. Может напишешь книгу? Последняя писалась тридцать пять лет назад. Пора кому-нибудь сочинить новую.

Потом он поскреб затылок и добавил:

– Мой бог, я помню, что ее писали тридцать пять лет назад, но не помню, про что она. На лесопилке была.

– Кто ее написал, не знаешь? – спросил я.

– Нет, – сказал он. – Но он был такой же, как ты. У него не было обычного имени.

Я спросил про другие книги, двадцать три предыдущие, и

Чарли сказал, что, кажется, одна из них была про сов.

– Точно про сов; еще была книжка про сосновые иголки, очень нудная, и еще одна про Забытые Дела – теория, как они начинались и из чего произошли.

– Мужик, который написал эту книжку, его звали Майк, забрался в Забытые Дела очень далеко. Он прошел, может, сто миль за две недели. Зашел за высокие Кучи, которые видны в ясную погоду. Он говорил, что там дальше есть другие Кучи, еще выше этих.

– Он написал книгу про свой поход. Неплохая получилась книга, гораздо лучше тех, что валяются в Забытых Делах. Те книги вообще ужасные.

– Он говорил, что на несколько дней заблудился и попал в такие штуки, длиной две мили и зеленые. Больше он ничего никогда не говорил, даже в книге не написал. Только сказал, что они длиной две мили и зеленые.

– Его гробница там, около статуи лягушки.

– Я знаю эту гробницу, – сказал я. – У него светлые волосы и комбинезон цвета ржавчины.

– Ага, он и есть, – сказал Чарли.

Закат

Когда я закончил писать, солнце почти садилось и близилось время обеда в Смертидее.

Я был рад, что увижу Полин, буду есть то, что она приго-

товила, смотреть на нее за обедом и после обеда тоже. Мы можем пойти погулять – например, вдоль акведука.

Потом, вполне вероятно, мы пойдем ночевать к ней в хижину, или останемся в Смертидее, или вернемся ко мне, если только опять не придет Маргарет и не станет стучать в дверь.

Солнце садилось за Кучи Забытых Дел. Они виднелись далеко за пределами памяти и горели в закатном солнце.

Нежный сверчок

Я вышел из хижины, остановился на мосту и стал смотреть на реку. Ширина ее три фута. В воде стоят две статуи. Одна из них – моя мать. Она была хорошей женщиной. Я сам вылепил эту скульптуру пять лет назад.

Другая скульптура – сверчок. Я ее не делал. Кто-то другой сваял эту статую давным-давно, еще во времена тигров. Это очень нежная статуя.

Мне нравится мой мост, потому что он сделан из всего сразу: из дерева, далеких камней и мягкого арбузно-сахарного настила.

Я шел в Смертидею сквозь долгие ясные сумерки, нависавшие надо мной, словно стены туннеля. Проходя сквозь лес, я потерял Смертидею из виду; деревья пахли прохладой, и сумерки под ними становились еще темнее.

Освещение мостов

Я поднял голову и сквозь сосны увидел вечернюю звезду. Она сияла с неба красным призывным светом – такие у здешних звезд краски. Они всегда такого цвета.

На противоположном конце неба я увидел еще одну звезду, менее величественную, но не менее красивую, чем та, что появилась первой.

Я подошел к настоящему мосту и покинутому мосту. Они пересекают реку бок о бок. В воде прыгала форель. Прыгала форель двадцати дюймов длиной. Я подумал, что это очень красивая рыба. И понял, что долго потом буду ее вспоминать.

Я увидел человека, идущего по дороге. Это был Старый Чак, он шел из Смертидеи зажигать фонари на настоящем мосту и на покинутом мосту. Он шел медленно, потому что он очень старый человек.

Некоторые говорят, что он слишком стар, чтобы освещать мосты, и что ему нужно сидеть в Смертидее и отдыхать. Но Старый Чак очень любит зажигать фонари и гасить их утром.

Старый Чак говорит, что у каждого человека должно быть дело и что его дело – освещение мостов. Чарли с ним согласен. «Пусть Старый Чак освещает мосты, если ему так хочется. Меньше будет времени на проделки».

Это шутка, потому что Старому Чаку не меньше девяно-

ста лет, раз уж речь зашла об отдыхе, и его проделки вместе с его десятилетиями остаются все дальше в прошлом.

Старый Чак плохо видит, поэтому он разглядел меня, только когда оказался перед самым моим носом. Я специально его дожидался.

– Привет, Чак, – сказал я.

– Добрый вечер, – сказал он. – Вот, иду освещать мосты. Как вы поживаете? Вот, иду освещать мосты. Прекрасный вечер, не правда ли?

– Да, – сказал я, – отличный вечер.

Старый Чак подошел к покинутому мосту, достал из кармана комбинезона шестидюймовую спичку и зажег фонарь на том конце моста, который ближе к Смертидее. Покинутый мост стал таким во времена тигров.

Тогда на этом мосту поймали и убили двух тигров, а мост подожгли. Но огонь уничтожил не весь мост, а только часть.

Тела тигров упали в реку, и сейчас еще на дне можно разглядеть их кости, разбросанные среди камней или торчащие то тут то там из песка: мелкие кости, ребра и осколки черепов.

Рядом с костями в реке стоит скульптура. Это статуя человека, которого когда-то давно убили тигры. Никто не знает, кто он был такой.

Мост не стали ремонтировать, и с тех пор это покинутый мост. На обоих его концах есть фонари. Старый Чак зажигает их каждый вечер, хотя некоторые говорят, что он слиш-

ком для этого стар.

Настоящий мост целиком сделан из сосны. Это крытый мост, и там темно, как в ухе. Фонари на нем сделаны в форме лиц.

Одно лицо – симпатичного ребенка, другое – лицо форели. Старый Чак зажег эти фонари длинной спичкой, которую он достал из кармана комбинезона.

Фонари на покинутом мосту – тигры.

– Я провожу вас до Смертидеи, – сказал я.

– Нет-нет, – сказал Старый Чак. – Я слишком медленно хожу. Вы опоздаете к обеду.

– Но как же вы? – спросил я.

– Я уже ел. Полин дала мне поесть перед уходом.

– Что сегодня на обед? – спросил я.

– Не скажу. – Старый Чак улыбнулся. – Полин велела не говорить, что сегодня на обед, если я встречу вас на дороге. Я обещал.

– Узнаю Полин, – сказал я.

– Я обещал.

Смертидея

Уже почти стемнело, когда я добрался до Смертидеи. Две вечерние звезды сияли теперь рядом друг с дружкой. Маленькая двигалась к большой. Они были очень близко, почти касались краями, потом соединились вместе и стали одной

очень большой звездой.

Не знаю, как относиться к таким вещам – справедливо это или нет.

В Смертидее было много огней. Я смотрел на них, пока спускался с лесного холма. Они казались теплыми, добрыми и приветливыми.

Пока я шел к Смертидее, она изменилась. Смертидея такая: постоянно меняется. На этот раз к лучшему. Я поднялся по лестнице на террасу, открыл дверь и вошел.

Я двинулся через гостиную к кухне. Никого не было в комнате, и никто не сидел на кушетках около реки. Обычно народ собирается группами в самой гостиной или под деревьями у камней, но сейчас никого не было ни там, ни там. Множество фонарей горело вдоль реки и среди деревьев. Очень скоро должен был начаться обед.

У противоположного конца гостиной я почувствовал приятные запахи из кухни. Я вышел из комнаты и двинулся по коридору, проходящему под рекой. Я слушал над собой реку – как она течет из гостиной. Очень красивый звук.

Коридор был сухой, как и все здесь, и я опять почувствовал приятный запах из кухни.

В кухне собрались почти все – то есть все, кто обедает в Смертидее. Чарли с Фредом о чем-то разговаривали. Полин собиралась накрывать на стол. Остальные просто сидели. Она была рада мне.

– Привет, странник, – сказала она.

– Что сегодня на обед? – спросил я.

– Рагу, – сказала она. – Как ты любишь.

– Отлично, – сказал я.

Она ласково улыbnулась мне, и я сел за стол. На Полин было новое платье, и мне очень нравилось смотреть на красивые очертания ее тела.

Впереди на платье был глубокий вырез, и я видел мягкие округлости ее груди. Я радовался всему вокруг. Платье сладко пахло, потому что было сшито из арбузного сахара.

– Как идет книга? – спросил Чарли.

– Отлично, – сказал я, – просто отлично.

– Надеюсь, ты пишешь не про сосновые иголки, – сказал он.

Полин дала мне тарелку первому. Она поставила передо мной огромную порцию рагу. Все заметили и то, что мне дали обед первому, и размер порции – все заулыбались, потому что поняли, что это значит, и были рады, что все так хорошо складывается.

Никто больше не любил Маргарет. Почти все были уверены, что она путалась с Кипятком и его бандой, хотя этому не было никаких доказательств.

– Действительно вкусно, – сказал Фред. Он отправил в рот целую ложку рагу, едва не вывалив половину себе на комбинезон. – Гммммм – хорошо, – повторил он и добавил, понизив голос: – Гораздо лучше, чем морковь.

Еще немного, и Эл бы его услышал. Он мгновенно дер-

нулся в сторону Фреда, но, кажется, все-таки не понял, что тот сказал, потому что вздохнул и произнес:

– Да, Фред, действительно вкусно.

Полин тихонько засмеялась – она хорошо слышала, что сказал Фред, и я выразительно посмотрел на нее, как бы говоря: «Не надо смеяться, детка. Ты же знаешь, как Эл относится к своей стряпне».

Полин понимающе кивнула.

– Такая длинная книга не может быть про сосновые иголки, – повторил Чарли, хотя прошло уже добрых минут десять после его последнего замечания, которое, впрочем, тоже было о сосновых иголках.

Тигры

После обеда Фред сказал, что помоеет посуду. Полин сказала «ох, нет», но Фред уже начал убирать со стола. Он складывал горкой ложки и тарелки.

Чарли сообщил, что он, пожалуй, посидит в гостиной у реки и покурит трубку. Эл зевнул. Другие сказали, что займутся другими делами, и ушли ими заниматься.

И вот тогда появился Старый Чак.

– Что так долго? – спросила Полин.

– Я решил отдохнуть у реки. Заснул, и мне приснился длинный сон про тигров. Как будто они вернулись.

– Ужас какой, – сказала Полин. Она по-птичьи передер-

нулась и обхватила себя руками за плечи.

– Нет, все было очень хорошо, – сказал Старый Чак. Он опустил в кресло. Он очень долго опускался в кресло – так, что в последний момент, когда он уже почти сидел в нем, кресло словно чуть-чуть подросло ему навстречу.

– На этот раз они были совсем другими, – сказал Старый Чак. – Они играли на музыкальных инструментах и подолгу гуляли под луной.

– Они остановились у реки и стали играть. Инструменты были очень красивые. Тигры пели. Помните, какие красивые у них были голоса.

Полин опять передернулась.

– Да, – сказал я. – У них были красивые голоса, но я никогда не слышал, как они поют.

– В моем сне они пели. Я запомнил музыку, но не запомнил слов. Очень хорошие песни, в них не было ничего страшного. Возможно, я слишком старый человек, – сказал он.

– Нет, у них действительно были красивые голоса, – сказал я.

– Мне нравились их песни, – сказал он. – Потом я замерз и проснулся. Я увидел фонари на мостах. Тигриные песни были похожи на фонари, в которых сгорает масло.

– Я немного волновалась за вас, – сказала Полин.

– Нет, – сказал он. – Я сел на траву, прислонился к дереву, и заснул, и мне приснился сон про тигров, как они пели песни, но я не запомнил слов. Инструменты у них тоже были

очень красивые. Похожи на фонари.

Голос Старого Чака постепенно затихал. Тело его расслаблялось все больше и больше, пока не стало казаться, что он всегда сидел в этом кресле, мягко и удобно сложив руки в арбузном сахаре.

Разговоры в Смертидее

Мы с Полин ушли в гостиную и сели на кушетку, стоявшую в рощице у груды камней. Вокруг горели фонари.

Я взял ее за руку. Сквозь мягкость и нежность в ее руке ощущалось напряжение, оно успокаивало меня и в то же время возбуждало.

Она сидела очень близко. Сквозь платье я чувствовал тепло ее тела. В моем сознании это тепло было такого же цвета, как платье – светло-золотистого.

– Как движется книга? – спросила она.

– Отлично, – сказал я.

– О чем она? – спросила Полин.

– Не знаю, – сказал я.

– Это секрет? – Она улыбнулась.

– Нет, – сказал я.

– Что-нибудь романтическое, как книжки из Забытых Дел?

– Нет, – сказал я. – Это будет совсем другая книга.

– Помню, когда я была маленькая, – сказала Полин, – мы

жгли книги вместо дров. Их было очень много. Их очень долго жгли, и теперь их, конечно, почти не осталось.

– Это не такая книга, – сказал я.

– Ладно, – сказала она. – Я не буду тебе больше надоедать, но не говори потом, будто людям неинтересно, что ты пишешь. Так давно никто не писал книг. За всю мою жизнь вообще ни разу.

После мытья посуды появился Фред. Он разглядел нас сквозь деревья. Фонари светили очень ярко.

– Здравóво! – крикнул он.

– Привет! – прокричали мы в ответ.

Фред шел к нам через узкую речку, которая вливалась в главную реку Смертидеи. Металлический мостик звенел у него под ногами. Этот мостик наверняка притащил из Забытых Дел Кипяток. Притащил и поставил над речкой.

– Спасибо за посуду, – сказала Полин.

– Мне только в радость, – сказал Фред. – Простите, что мешаю вам, ребята, я только напомнить, что завтра утром мы идем с тобой к прессу для досок. Хочу тебе кое-что показать.

– Я помню, – сказал я. – Что там?

– Завтра увидишь.

– Ладно.

– Больше мне ничего не надо. У вас, наверное, есть о чем поговорить, так что я пошел. Обед был очень вкусный, Полин.

– У тебя с собой эта штука, которую ты мне сегодня по-

казывал? – спросил я. – Пусть Полин тоже посмотрит.

– Какая штука? – спросила Полин.

– Фред нашел сегодня в лесу.

– Сейчас нету, – сказал Фред. – Я оставил ее в хижине.

Утром принесу на завтрак.

– А что это? – спросила Полин.

– Мы не знаем, – сказал я.

– Ага, странная штука, – сказал Фред. – Похожа на все эти вещицы из Забытых Дел.

– А, – сказала Полин.

– Завтра принесу.

– Хорошо, – сказала она. – Подожду до завтра. Очень интересно. И загадочно.

– Ладно, ребята, – сказал Фред. – Я пошел. Просто хотел напомнить, что мы идем завтра утром к прессу для досок. Это вообще-то важно.

– Куда ты торопишься? – сказал я. – Побудь немного с нами. Сядь.

– Ни-ни-ни. Спасибо за приглашение, – сказал Фред. – У меня дела в хижине.

– О'кей, – сказал я.

– До свиданья.

– Спасибо за посуду, – сказала Полин.

– А, ерунда.

Много добрых ночей

Было уже поздно, когда мы с Полин отправились пожелать Чарли доброй ночи. Мы с трудом разглядели его на кушетке рядом с его любимыми статуями и небольшим очагом, который он соорудил себе, чтобы греться холодными вечерами.

С ним был Билл – они сидели рядом, обсуждая что-то интересное. Увлеченный разговором Билл возбужденно молотил руками воздух.

– Мы пришли пожелать вам доброй ночи, – сказал я, перебивая разговор.

– О, привет, – сказал Чарли. – Ага, доброй ночи. То есть я хотел спросить, как дела.

– Нормально, – сказал я.

– Очень вкусный был сегодня обед, – сказал Билл.

– Да, просто замечательный, – сказал Чарли. – Отличное рагу.

– Спасибо.

– Ну, до завтра, – сказал я.

– Ты ночуешь в Смертидее? – спросил Чарли.

– Нет, – сказал я. – Я ночую с Полин.

– Ну и хорошо, – сказал Чарли.

– Доброй ночи.

– Доброй ночи.

– Доброй ночи.

– Доброй ночи.

Овощи

Хижина Полин в миле от Смертидеи. Она нечасто там бывает. Хижина находится с другой стороны города. А всего нас здесь, в арбузном сахаре, 375 человек.

Многие живут в городе, кто-то в хижинах, ну и конечно мы – те, кто живет в Смертидее.

В городе светилось всего несколько окон – вдобавок к уличным фонарям. У дока Эдвардса горел свет. Он всегда плохо спит по ночам. И у школьного учителя тоже. Наверное, проверяет тетрадки.

Мы остановились на мосту. Этот мост освещали бледные зеленые фонари. Формой они напоминали людские тени. Мы с Полин целовались. Губы у нее были холодными и влажными. Может, потому что ночь.

Я услышал, как в реке прыгнула форель – поздняя прыгунья. Звук был такой, словно захлопнулась тугая дверь. Рядом возвышалась статуя. Статуя гигантской фасолины. Точно так, фасолины.

Когда-то давно кто-то очень любил овощи, и теперь по всему арбузному сахару расставлены статуи овощей.

Около древесного комбината торчит скульптура, изображающая артишок, у форельного питомника в Смертидее – десятифутовая морковка, перед школой кочан капусты, у

входа в Забытые Дела связка лука, еще множество овощных статуй расставлены около хижин, а перед стадионом располжилась брюква.

В двух минутах ходьбы от моей хижины стоит картофелина. Мне вообще-то нет до нее дела, но когда-то давно кто-то явно любил овощи.

Я как-то спросил Чарли, может, он знает, кто это был, но он сказал, что понятия не имеет.

– Должно быть, этот человек очень любил овощи, – сказал Чарли.

– Да, – сказал я, – даже рядом с моей хижинной статуя картошки.

Мы с Полин двинулись дальше. Теперь мы проходили мимо Арбузных Дел. Там было тихо и темно. Завтра утором они наполнятся светом и суетой. Стал виден акведук. Сейчас он был просто длинной-длинной тенью.

Мы подошли к следующему мосту. На нем горели обычные фонари, а в воде стояли скульптуры. Примерно дюжина огней поднималась со дна реки. Там были гробницы.

Мы остановились.

– Сегодня красивые гробницы, – сказала Полин.

– Да, очень, – сказал я.

– Здесь в основном дети, правда?

– Да, – сказал я.

– Очень красивые гробницы, – сказала Полин.

В снопах света, поднимавшихся из гробниц, кружились

ночные бабочки. Их было пять или шесть над каждой гробницей.

Неожиданно из воды выпрыгнула большая форель и схватила одну из бабочек. Остальные разлетелись, но через некоторое время вернулись обратно, тогда та же самая форель снова выпрыгнула из воды и схватила другую бабочку. Старая мудрая форель.

Больше форель не прыгала, и бабочки мирно кружились в снопах света, поднимавшихся из гробниц.

Снова Маргарет

– Как Маргарет? – спросила Полин.

– Не знаю, – сказал я.

– Она расстроена или обижена? Ты знаешь, как она сейчас? – спросила Полин. – Ты видел ее после того разговора? Со мной она вообще не разговаривает. Я вчера встретила ее около Арбузных Дел. Я поздоровалась, но она прошла мимо и ничего не ответила. Кажется, она очень переживает.

– Я не знаю, как она сейчас, – сказал я.

– Я думала, она будет сегодня в Смертидее, но она не пришла, – сказала Полин. – Не знаю почему, но мне казалось, что она должна прийти. Просто было такое чувство – но я ошиблась. Ты ее видел?

– Нет, – сказал я.

– А где она сейчас живет, не знаешь? – спросила Полин.

– Думаю, что у брата.

– Это очень неприятно. Мы с Маргарет были такими хорошими подругами. Столько лет в Смертидее, – сказала Полин. – Мы были почти как сестры. Очень жалко, что все так получилось, но ведь ничего не поделаешь, правда?

– В сердечных делах всегда так. Никогда не знаешь, что будет потом, – сказал я.

– Да, ты прав, – сказала Полин.

Она остановилась и поцеловала меня. Потом мы двинулись по мосту к ее хижине.

Хижина Полин

Хижина Полин сделана из арбузного сахара – вся, кроме двери из очень красивой в сероватую крапинку сосны и каменной дверной ручки.

Даже окна сделаны из арбузного сахара. Здесь очень много окон делается из сахара. С первого взгляда трудно отличить сахар от стекла, если окно делал плотник Карл. Все зависит от того, кто работает. Очень тонкое искусство, и Карл им владеет.

Полин зажгла фонарь. Сладко запахло форельно-арбузным маслом. Есть специальный рецепт, по которому нужно смешивать арбузы с форелью, чтобы получалось ароматное масло для фонарей. Мы им пользуемся для освещения. Получается очень нежный запах и яркий свет.

Хижина Полин простая, как все наши хижины. Все на своем месте. Полин приходит сюда из Смертидеи только на несколько часов и иногда ночует, если ей хочется.

У всех, кто живет в Смертидее, есть хижины, чтобы приходить туда, если хочется. Я чаще других бываю в своей хижине. Обычно я ночую в Смертидее раз в неделю. Но ем, конечно, почти всегда там. Мы – те, у кого нет обычного имени, – очень много времени проводим в одиночестве. Так нам удобнее.

– Ну, вот, – сказала Полин. Она была очень красивой в свете фонаря. Глаза сияли.

– Иди сюда, – сказал я. Она подошла ближе, и я поцеловал ее в губы, потом дотронулся до груди. На ощупь она была твердой и гладкой. Я опустил руку в вырез платья.

– Как хорошо, – сказала Полин.

– Попробуем дальше, – сказал я.

– Да, – сказала она.

Мы легли на кровать. Я снял с нее платье. Под ним ничего не было. Потом я встал, стянул комбинезон и лег рядом.

Любовь, ветер

Мы занимались долгой медленной любовью. Поднялся ветер, и окна еле слышно дребезжали – сахар часто крошится на ветру.

Мне нравилось тело Полин, она сказала, что ей тоже нра-

вится мое тело, а больше мы не знали, что сказать.

Ветер неожиданно стих, и Полин спросила:

– Что это?

– Ветер.

Снова тигры

После любви мы заговорили о тиграх. Начала Полин. Она расслабленно лежала рядом со мной, и ей захотелось поговорить о тиграх. Она сказала, что после того, как Старый Чак рассказал свой сон, она все время о них думает.

– Интересно, как они могли разговаривать на нашем языке, – сказала она.

– Никто не знает, – сказал я. – Но они разговаривали. Чарли говорит, что когда-то давно все были тиграми, потом мы изменились, а они нет. Я не знаю. Но это интересная мысль.

– Никогда не слышала их голосов, – сказала Полин. – Когда я была маленькая, оставалось всего несколько тигров, они были старые и почти не спускались с гор. Они были старые и неопасные, и все равно на них охотились.

– Мне было шесть лет, когда убили последнего тигра. Я помню, как охотники несли его в Смертидею. Вокруг собралось много народу. Охотники говорили, что убили его в горах и что это последний тигр.

– Они несли его в Смертидею, и все шли следом. Его закрыли досками и стали поливать форельно-арбузным мас-

лом. Галлон за галлоном. Помню, люди бросали цветы так, что получилась целая груда, все стояли вокруг и плакали, потому что это был последний тигр.

— Чарли зажег спичку. Костер горел огромным оранжевым пламенем — долго, несколько часов, и черный дым поднимался в воздух.

— Он сгорел, и остался только пепел, потом все убрали, и теперь в Смертидее форельный питомник — прямо на том месте, где сожгли тигра. Трудно представить, как это было, особенно когда танцуешь.

— Ты наверняка все это помнишь, — сказала Полин. — Ты ведь там тоже был. Рядом с Чарли.

— Это правда, — сказал я. — У них были красивые голоса.

— Я ни разу не слышала, — сказала она.

— Может, это и к лучшему, — сказал я.

— Может, ты и прав, — сказала она. — Тигры. — И вот она уже спит у меня на руке. Ее сон попытался стать моей рукой, потом моим телом, но я не позволил, потому что вдруг почувствовал, что не могу больше лежать.

Я встал, натянул комбинезон и отправился на одну из своих долгих ночных прогулок.

Арифметика

Ночь была холодной, а звезды красными. Я шел к Арбузным Дела́м. Там из арбузов мы делаем сахар. Мы выпарива-

ем арбузный сок до тех пор, пока не остается ничего, кроме сахара, потом мы придаем ему форму всего, что у нас есть, – наших жизней.

Я сел на кушетку у реки. После слов Полин я теперь думал о тиграх. Сидел и думал о тиграх и о том, как они съели моих родителей.

Мы жили тогда в хижине у реки. Отец выращивал арбузы, а мать пекла хлеб. Я ходил в школу. Мне было девять лет, и мне плохо давалась арифметика.

Однажды утром, когда мы завтракали, пришли тигры и до того, как отец схватил ружье, убили моего отца и мою мать. Родители не успели ничего сказать перед смертью. А я так и сидел с ложкой пюре в руке.

– Не бойся, – сказал один из тигров. – Мы тебя не тронем. Мы не трогаем детей. Сиди, где сидел, а мы расскажем тебе сказку.

Один из тигров стал есть мою мать. Он откусил ее руку и начал жевать.

– Какую сказку ты хочешь послушать? Я знаю интересную историю про кролика.

– Не надо мне сказок, – сказал я.

– Как хочешь, – сказал тигр и откусил кусок моего отца. Я так и сидел с ложкой в руке, потом положил ее на стол.

– Это мои родители, – сказал я наконец.

– Прости, – сказал один из тигров. – Так вышло.

– Угу, – сказал другой тигр. – Мы бы никогда не стали

этого делать, но так нужно, и у нас нет другого выхода. Понимаешь, иначе нам просто не выжить.

– Мы такие же, как вы, – сказал другой тигр. – Мы говорим на одном языке. У нас те же мысли в головах, но мы тигры.

– А вы можете помочь мне с арифметикой? – спросил я.

– С чем? – переспросил один из тигров.

– С арифметикой.

– С арифметикой?

– Угу.

– Что ты хочешь узнать? – спросил один из тигров.

– Сколько будет девятью девять?

– Восемьдесят один, – сказал тигр.

– А восемью восемь?

– Пятьдесят шесть, – сказал тигр.

Я задал ему еще несколько задач: шестью шесть, семью четыре, и так далее. Мне тогда очень тяжело давалась арифметика. Наконец тиграм надоели мои вопросы, и они сказали, чтобы я вышел.

– Хорошо, – сказал я. – Я буду на улице.

– Не уходи далеко, – сказал один из тигров. – А то кто-нибудь придет и убьет нас.

– Хорошо.

Они стали доедать моих родителей. Я вышел на улицу и сел у реки.

– Я сирота, – сказал я.

В реке я увидел форель. Она плыла прямо ко мне и остановилась там, где кончается река и начинается берег. Она уставилась на меня.

– Что ты понимаешь? – сказал я форели.

Это было перед тем, как я ушел жить в Смертидею.

Примерно через час, потягиваясь и зевая, из хижины вышли тигры.

– Хороший сегодня день, – сказал один из тигров.

– Угу, – сказал другой. – Прекрасный.

– Нам ужасно жаль, что пришлось съесть твоих родителей. Пожалуйста, постарайся понять. Мы тигры, а не дьяволы. Просто это одна из наших обязанностей.

– Я понимаю, – сказал я. – И спасибо, что помогли с арифметикой.

– Это ерунда.

Тигры ушли.

Я пошел в Смертидею и сказал Чарли, что тигры съели моих родителей.

– Жалко, – сказал он.

– Тигры были такие хорошие. Зачем они это делают? – спросил я.

– Они не виноваты, – сказал Чарли. – Я тоже люблю тигров. Мне очень нравится с ними разговаривать. Они славные и все понимают, но мы должны покончить с ними. И поскорее.

– Тигр помог мне с арифметикой.

– Они очень добрые, – сказал Чарли. – Но они опасны. Что ты теперь будешь делать?

– Не знаю, – сказал я.

– Хочешь остаться в Смертидее? – спросил Чарли.

– Пожалуй, да, – сказал я.

– Вот и хорошо. Договорились, – сказал Чарли.

Этой ночью я вернулся к хижине и сжег ее. Я не стал ничего с собой брать и ушел жить в Смертидею. Это было двадцать лет назад, хотя кажется, что только вчера. Сколько будет восемью восемь?

Она была

Я наконец перестал думать о тиграх и двинулся обратно к хижине Полин. О тиграх можно будет подумать в какой-нибудь другой день. Их еще будет много.

Я хотел уснуть рядом с Полин. Я знал, что она покажется мне очень красивой, когда будет спать и ждать меня. Она была красивой.

Ягненок на рассвете

Полин спала под арбузным одеялом и на рассвете заговорила во сне. Она рассказала маленькую историю о том, как ягненок ходил гулять.

– Ягненок сидел на траве среди цветов, – сказала она. – Ягненок хороший, – это был конец истории.

Полин часто разговаривала во сне. Неделью назад она пела маленькую песню. Я уже забыл какую.

Я положил руку ей на грудь. Полин пошевелилась. Я убрал руку, и она опять затихла.

Она очень уютно спала. Нежный сонный запах поднимался от ее тела. Наверное, там на траве сидел ягненок.

Арбузное солнце

Я проснулся первым и надел комбинезон. Осколок серого солнца забрался через окно в хижину и мирно улегся на полу. Я подошел поближе и поставил на него ногу, нога тоже стала серой.

Я смотрел в окно и видел поле, сосновый лес, город и Забытые Дела. Все было тронут серым: стадо, пасущееся в поле, крыши хижин, большие Кучи в Забытых Делах – все было словно покрыто пылью. Даже воздух казался серым.

Очень интересные вещи происходят у нас тут с солнцем. Каждый день оно светит разным цветом. Никто не знает, почему это происходит, даже Чарли. Мы просто изо всех сил стараемся выращивать разноцветные арбузы.

Вот как это у нас получается: из семян серых арбузов, собранных в серый день и посаженных тоже в серый день, почти всегда вырастают серые арбузы.

На самом деле все очень просто. Вот как меняются цвета дней и арбузов:

Понедельник: красные арбузы.

Вторник: золотые арбузы.

Среда: серые арбузы.

Четверг: черные беззвучные арбузы.

Пятница: белые арбузы.

Суббота: голубые арбузы.

Воскресенье: коричневые арбузы.

Сегодня был день серых арбузов. Мне больше всего нравятся четверги – дни черных беззвучных арбузов. Когда их разрезаешь, они не издают ни звука, а на вкус очень сладкие.

Из них хорошо делать вещи, у которых нет звуков. Я помню человека, который делал из черных беззвучных арбузов стенные часы, и они получались совсем тихими.

Этот человек сделал шесть или семь часов, потом умер.

Такие часы висят теперь над его могилой. Они висят на яблонево́й ветке и качаются на ветру, который всегда дует вдоль реки. И конечно, они теперь показывают неправильное время.

Когда я стал надевать башмаки, проснулась Полин.

– Привет, – сказала она, протирая глаза. – Ты уже встал. Который час?

– Почти шесть.

– Нужно идти в Смертидею готовить еду, – сказала она. – Ну-ка поцелуй меня и скажи, что ты хочешь сегодня на зав-

трак.

Руки

Мы возвращались в Смертидею, держась за руки. Руки – это отличная вещь, особенно по дороге домой после любви.

Снова, снова Маргарет

В Смертидее я сидел на кухне и смотрел, как Полин растирает масло для моих любимых пирожков. Она высыпала в глубокую синюю миску муку, яйца, еще кучу всякой всячины, а теперь растирала масло огромной деревянной ложкой, слишком большой для ее рук.

На Полин было настоящее красивое платье, волосы собраны на макушке в хвост, и еще по дороге в Смертидею я остановился и сорвал для нее несколько цветков.

Колокольчики.

– Может, Маргарет придет, – сказала Полин, – я так хочу с ней поговорить.

– Не переживай, – сказал я, – все образуется.

– Просто... мы с Маргарет были такими хорошими друзьями. Ты мне давно нравился, но я никогда не думала, что мы сможем стать больше, чем друзьями. Вы с Маргарет столько лет были вместе. Может, все еще исправится, Маргарет най-

дет себе кого-нибудь и мы помиримся.

– Не переживай.

На кухню заглянул Фред, но только для того, чтобы сказать:

– Хмम्म – пирожки, – и исчезнуть.

Земляника

Чарли слопал не меньше дюжины пирожков. Я никогда не видел, чтобы он столько ел, но, кажется, Фред проглотил их еще больше.

Хороший знак.

На завтрак еще была целая тарелка бекона, молоко, большой кувшин крепкого кофе и земляника.

Землянику перед самым завтраком принесла девочка из города. Очень хорошенькая девочка.

Полин ей сказала:

– Вот спасибо, а какое у тебя красивое платье... Сама сшила? Наверняка сама, ужасно симпатичное.

– Спасибо, – сказала девочка и зарделась. – Мне просто захотелось принести в Смертидею землянику, я встала пораньше и собрала ее у реки.

Полин положила в рот ягоду и еще одну дала мне.

– Ой, как вкусно, – сказала Полин. – Ты, наверное, знаешь хорошее место. Мне покажешь?

– Это совсем рядом со статуей брюквы перед входом на

стадион, сразу за этим странным зеленым мостом, – сказала девочка. Ей было чуть меньше четырнадцати лет, и она очень гордилась, что ее земляника пользуется в Смертидее таким успехом.

Землянику за завтраком съели всю, а что касается горячих пирожков...

– Пирожки сегодня просто прекрасные, – сказал Чарли.

– Бери еще, – сказала Полин.

– Ну, разве что последний, если остались.

– Еще много, – сказала Полин. – Ты тоже бери, Фред.

– Да? Ну, только если последний.

Школьный учитель

После завтрака Полин занялась посудой, я поцеловал ее, и мы с Фредом отправились к Арбузным Дела́м, где он собирался показать мне что-то насчет пресса для досок.

Мы не торопясь брели по дороге под серым утренним солнцем. Можно было подумать, что собирается дождь, но конечно, это было не так. Первый дождь пойдет не раньше 12 октября.

– Маргарет опять не было, – сказал Фред.

– Да, – сказал я.

Мы встретили школьного учителя, который вел детей на прогулку в лес, и остановились поговорить. Пока мы разговаривали, дети уселись на траве в кружок, словно кучка гри-

бов или маргариток.

– Ну-с, как движется книга? – спросил школьный учитель.

– Хорошо, – сказал я.

– Любопытно будет взглянуть, – сказал школьный учитель. – У вас всегда были способности к письму. Я до сих пор помню сочинение о погоде, которое вы написали в шестом классе. Это было нечто выдающееся. Ваше описание зимних облаков показалось мне тогда очень точным и в то же время непосредственным, с изрядной долей поэзии. Да, я с большим интересом прочту вашу книгу. Можете вы хотя бы намекнуть, о чем она?

Фред между тем скучал. Он отошел в сторону и опустил на траву рядом с детьми. Потом заговорил о чем-то с одним из мальчиков.

– Вы намерены развить свое сочинение о погоде или книга будет о другом?

Мальчик с интересом слушал Фреда. Остальные дети тоже подвинулись ближе.

– Там будет все подряд, – сказал я. – Очень трудно объяснить. Но когда я закончу писать, вы прочтете ее первым.

– Я всегда верил, что вы станете литератором, – сказал школьный учитель. – Когда-то давно я сам хотел написать книгу, но дети – они отнимают слишком много времени.

Фред достал из кармана шутовину. Потом показал ее мальчику. Мальчик повертел шутовину в руках и передал другим детям.

– Да, я частенько задумывался о том, чтобы написать книгу об учительстве, но при этом был слишком занят тем, что учил писать других. И я горжусь, что один из лучших моих учеников принял из моих рук эстафету и готов сделать то, на что у меня не хватило времени. Удачи, мой друг.

– Большое спасибо.

Фред сунул штуковину обратно в карман, школьный учитель поднял детей, и они отправились в лес.

По пути он рассказывал им что-то очень важное. Я это понял по тому, как он указал сначала на меня, потом на облака, медленно проплывавшие у нас над головами.

Под прессом для досок

Чем ближе мы подходили к Арбузным Делах, тем сильнее чувствовался запах кипящего сахара, который вываривали там в специальных баках. На солнце твердели целые штабеля, ленты и замысловатые фигуры из сахара: красный сахар, золотой сахар, серый сахар, черный беззвучный сахар, белый сахар, голубой сахар, коричневый сахар.

– Красивый сахар, – сказал Фред.

– Угу.

Я помахал рукой Эду и Майку, которые занимались тем, что отгоняли от сахара птиц. Они помахали мне в ответ и опять занялись птицами.

Мы вошли внутрь; на Арбузных Делах работает около дю-

жины человек. Под двумя огромными баками горел огонь, Пит подбрасывал туда дрова. Он был потным и разгоряченным, но это его естественное состояние.

– Как сахар? – спросил я.

– Отлично, – сказал он. – Сахара много. Как дела в Смертидее?

– Хорошо, – сказал я.

– Говорят, у тебя что-то с Полин?

– Сплетни, – сказал я.

Я люблю Пита. Мы уже много лет друзья. Когда я был ребенком, я часто приходил в Арбузные Дела и помогал ему бросать в огонь поленья.

– То-то Маргарет злится, – сказал он. – Говорят, она по тебе сохнет. Ее брат так и сказал. Совсем, говорит, высохла.

– Я ничего об этом не знаю, – сказал я.

– Ты для чего сюда пришел? – спросил он.

– Просто захотелось кинуть в огонь пару поленьев. – Я поднял с пола большую сосновую деревяшку и сунул ее в топку под баком.

– Как в старые добрые времена, – сказал Пит.

Из своего кабинета выглянул бригадир. Вид у него был усталый.

– Привет, Эдгар, – сказал я.

– Привет, – сказал он, – как дела? Доброе утро, Фред.

– Доброе уторо, босс.

– Чего тебя сюда занесло? – спросил Эдгар.

– Фред хочет мне что-то показать.

– Что такое, Фред? – спросил Эдгар.

– Это секрет, босс.

– Ох ты ж. Ладно, разбирайтесь сами.

– Разберемся, босс.

– Всегда рад тебя видеть здесь, – сказал мне Эдгар.

– У тебя усталый вид, – сказал я.

– Да, вчера поздно лег.

– Выспись сегодня, – сказал я.

– Что я и собираюсь сделать. Сразу после работы завалюсь спать. Даже обедать не буду, перекушу только.

– Да, нужно выспаться, – сказал Фред.

– Ладно, я пошел к себе, – сказал Эдгар. – Много бумаг. До встречи.

– Пока, Эдгар.

Бригадир вернулся к себе в кабинет, а мы с Фредом подошли к прессу. На этом прессе мы делаем арбузные доски. Сегодня они были золотистыми.

Фред сам здесь мелкий босс, и вся его команда была уже на месте, вокруг досок.

– Доброе утро, – сказала команда.

– Доброе утро, – сказал Фред. – Остановите на минуту эту штуку.

Один из команды повернул выключатель, Фред сказал, чтобы я подошел поближе, потом мы опустились на колени и заползли под пресс куда-то в очень темное место, там Фред

зажег спичку, и я увидел летучую мышь, висящую вниз головой на планке.

– Ну как? – спросил Фред.

– Н-да, – сказал я, тараща на мышь.

– Я нашел ее два дня назад. Правда ничего лучше не бывает? – сказал он.

– Лучше просто некуда, – сказал я.

До ланча

Насмотревшись на Фредову летучую мышь, я вылез из-под пресса и сказал, что пойду к себе в хижину, нужно там кое-что сделать: посадить цветы и еще кое-какие дела.

– Ты пойдешь на ланч в Смертидею? – спросил он.

– Нет, перехвачу что-нибудь в центре, в кафе. Давай вместе.

– О'кей, – сказал он, – кажется, у них сегодня сосиски с квашеной капустой.

– Сосиски были вчера, – влез в разговор кто-то из команды.

– Точно, – сказал Фред, – сегодня котлеты. Как они тебе?

– Нормально, – сказал я. – Тогда до ланча. Примерно в двенадцать.

Я оставил Фреда командовать прессом, с которого медленно сползали длинные золотые доски из арбузного сахара. Арбузные Дела кипели и испарялись, сладкие и нежные

в лучах теплого серого солнца.

Эд и Майк так и гонялись за птицами. Майк шипел и махал руками на малиновку.

Гробницы

По дороге к хижине я решил остановиться у реки – посмотреть, как опускают новую гробницу, и понаблюдать за любопытной форелью, которая всегда, когда опускают гробницы, собирается вокруг в стаю.

Я прошел через город. На улицах было тихо и почти пусто. Я встретил дока Эдвардса, спешившего куда-то со своей сумкой, и помахал ему рукой. Он помахал мне в ответ и жестами показал, что торопится по очень важному делу. Наверное, в городе кто-то заболел. Я махнул ему вслед рукой.

На веранде перед отелем сидели в креслах-качалках два старика. Один качался, другой спал. У того, который спал, на коленях лежала газета.

Я почувствовал запах свежего хлеба из булочной, и увидел двух лошадей, привязанных у магазина. В одной из них я узнал лошадь из Смертидеи.

Я вышел из города и шел теперь мимо деревьев, росших на краю маленькой арбузной делянки. С деревьев свисал мох.

По ветке бежала белка. У нее не было хвоста. Я на секунду задумался, что могло случиться с ее хвостом. Наверное, где-

то потеряла.

Я сел на кушетку у реки. Рядом стояла скульптура травы. Узкие листья были сделаны из бронзы, и теперь, после многолетних дождей, цвет у них был, как у настоящей травы.

Четверо или пятеро парней опускали в воду гробницу. Это была Похоронная Команда. Гробницу устанавливали на дне реки. Так мы хороним наших мертвых. Конечно, когда тигры были в силе, гробниц требовалось намного меньше.

Теперь мы хороним мертвых в стеклянных гробах на дне рек и кладем в гробницы фосфор, чтобы они светились по ночам, напоминая нам всем о том, что придет следом.

Я заметил, как собирается в стаю форель – посмотреть, как опускают гробницу. Очень красивая радужная форель. На маленьком участке реки собралось не меньше сотни рыб. Форель ужасно любопытная рыба и всегда приплывает посмотреть, когда происходят такие вещи.

Похоронная Команда погрузила шахту в реку и выключила насос. Теперь они складывали витраж. Скоро гробница будет готова, в нужный момент дверь откроется, кого-то опустят внутрь и оставят в ней навсегда.

Старая Бабушка Форель

Я заметил форель и за то время, что устанавливали гробницу, узнал ее. Это была Старая Бабушка Форель, выращенная из крохотного малька в форельном питомнике Смерти-

деи. Я узнал ее по маленюкому смертидейному колокольчику, прикрепленному к нижней губе. Ей много лет, она весит много фунтов, движется медленно и мудро.

Почти все свое время Старая Бабушка Форель плавает выше по течению у Статуи Зеркал. Раньше я проводил много часов, наблюдая за ней там, в глубоком пруду. Видимо, эта гробница чем-то ее заинтересовала и она спустилась специально, чтобы посмотреть на нее.

Это было странно, потому что Старая Бабушка Форель уже давно не выказывает никакого интереса к гробницам. Наверное, потому, что успела повидать их слишком много.

Помню, когда устанавливали гробницу неподалеку от Статуи Зеркал, Старая Бабушка Форель не сдвинулась с места ни на дюйм, несмотря на то, что провозились тогда целый день – очень трудная оказалась гробница.

Она сломалась, когда была почти готова. Пришел Чарли, расстроенно покачал головой, и гробницу пришлось переделывать заново.

Но за установкой этой гробницы форель следила очень внимательно. Она медленно кружила в нескольких дюймах выше дна и в десяти футах от шахты.

Я подошел ближе и присел у воды. Рыбу ничуть не испугало мое приближение. Старая Бабушка Форель смотрела на меня.

Я уверен, что она меня узнала, потому что тарасилась она не меньше двух минут, потом снова повернулась к гробнице,

где уже заканчивали последний витраж.

Я еще постоял некоторое время у реки, а когда двинулся к хижине, Старая Бабушка Форель вновь обернулась в мою сторону. Она так и смотрела мне вслед, пока я не скрылся из виду, — почему-то я в этом уверен.

Книга вторая

Кипяток

Девять вещей

Хорошо было вернуться в хижину, вот только в двери торчала записка от Маргарет. Я без всякого удовольствия прочел записку – и выбросил так, чтобы никто, даже само время не смогло ее найти.

Я сидел за столом у окна и смотрел на Смертидею. Несколько дел требовали для своего исполнения ручку и чернила; я закончил их быстро, без ошибок, и отодвинул в сторону – дела, написанные чернилами из арбузных семечек на листе бумаги со сладким запахом дерева, которую сделал Билл на древесном комбинате.

Потом я вспомнил, что собирался сажать цветы у статуи картошки. Большой цветник вокруг этой семифутовой картофелины должен хорошо смотреться.

Я встал, чтобы взять семена из шкафа, где держу свои вещи, но открыв ящик и увидев, как там все перемешалось, решил навести порядок, а уже потом сажать семена в землю.

У меня девять вещей, ни больше и ни меньше: детский мяч (не помню, для какого возраста); подарок, подаренный

мне девять лет назад Фредом; сочинение о погоде; числа (1–24); запасной комбинезон; кусок голубого металла; штукovina с Забытых Дел; локон, который давно пора помыть.

Я не упомянул семена, потому что собирался посадить их вокруг картофелины. Еще несколько вещей я храню в Смертиде. Там у меня неплохая комната сразу за форельным питомником.

Я вышел из хижины и стал сажать вокруг картофелины семена, размышляя над тем, кто же это так сильно любил овощи и где этот человек похоронен – в реке или его съел тигр, давным-давно, когда красивый тигриный голос еще мог произнести:

– Мне очень нравятся твои статуи, особенно брюква, но что поделаешь...

Снова, снова, снова Маргарет

Я полчаса ходил взад-вперед по мосту, но так и не нашел доску, на которую всегда наступает Маргарет и которую она ни за что бы не пропустила, даже если бы все мосты мира собрали в один огромный мост, она и тогда встала бы на эту доску.

Дрема

Я вдруг почувствовал, что устал, и решил вздремнуть перед ланчем; вернулся в хижину и лег на кровать. Я стал смотреть на потолок и на балки из арбузного сахара. Я не отрываясь смотрел на их узоры и скоро уснул.

Мне приснилось два коротких сна. Один был про моль. Моль качалась на яблоке.

Потом мне приснился длинный сон – снова история о Кипятке, его банде и ужасах, которые творились здесь всего несколько коротких месяцев тому назад.

Виски

Кипяток и его банда жили около Забытых Дел в тухлявых хижинах с дырявыми крышами. Они жили там, пока не умерли. Их было человек двадцать. Все мужчины и все плохие, как сам Кипяток.

Сначала Кипяток жил там один. Он крепко поссорился с Чарли и сказал, что лучше будет жить в Забытых Делах, чем в Смертидее.

– К черту Смертидею, – сказал он и построил себе тухлявую хижину у Забытых Дел. С тех пор он только и делал, что копался там в вещах и гнал из них виски.

Потом к нему присоединились еще двое, и после этого то один, то другой человек стали уходить туда же. И всегда было понятно, кто следующий.

Перед тем как уйти к Кипятку в банду, человек становился несчастным, нервным, неискренним или нечистым на руку, принимался часто говорить о вещах, которых хорошие люди не понимают и не хотят понимать.

Он становился все более нервным, безразличным ко всему; и наконец кто-нибудь сообщал, что этот человек теперь в банде у Кипятка – копается с ним в Забытых Делах и получает за это виски, которые Кипяток делает из забытых вещей.

Снова виски

Кипятку было лет пятьдесят, так мне кажется; он родился и вырос в Смертидее. Я хорошо помню, как ребенком сидел у него на коленях и слушал сказки. Он знал много хороших сказок... Да, Маргарет тоже была там.

Потом все стало плохо. Это случилось два года назад. Он стал беситься из-за всякой ерунды и все чаще сидел один в форельном питомнике в Смертидее.

Он тогда подолгу пропадал в Забытых Делах, а когда Чарли спрашивал, что он там делает, Кипяток отвечал:

- Да так, просто хочу побыть один.
- Что за вещи ты оттуда выкапываешь?
- Да так, ничего особенного, – врал Кипяток.

Он начал сторониться людей, потом его речи стали сбивчивыми и странными, движения дергаными, а характер ужасным, ночи напролет он просиживал в форельном питомнике, иногда принимаясь громко хохотать, и тогда его новый жуткий хохот эхом проносится по комнатам и коридорам, поразительным образом меняя Смертидею: неописуемые эти изменения касались того, что мы так сильно любили, того, что было нашим.

Большая ссора

Большая ссора между Кипятком и Чарли произошла за обедом. Фред передавал мне миску с картофельным пюре, когда все началось.

Ссора назревала давно. По ночам Кипяток хохотал все громче и громче, не давая людям спать.

Кипяток был постоянно пьян и не слушал никого, даже Чарли. Он даже Чарли не слушал. Он говорил, чтобы Чарли не лез не в свое дело.

– Не лезь не в свое дело.

Однажды Полин, которая была тогда совсем ребенком, нашла его в полной отключке в ванне – он лежал и распевал похабные песни. В руке у него была бутылка бурды, которую он варил себе в Забытых Делах, и Полин ужасно испугалась. Кипяток пах какой-то гадостью, и только трое взрослых мужчин смогли вытащить его из ванны и уложить в кровать.

– Держи картошку, – сказал Фред.

Не успел я выложить себе в тарелку большую ложку пюре, чтобы собрать остатки соуса, как Кипяток, который так и не притронулся до сих пор к остывавшей перед ним курице, повернулся к Чарли и сказал:

– Знаешь, что здесь плохо?

– Что, Кипяток? Ты у нас теперь знаешь ответы на все вопросы. Скажи.

– Я скажу. Здесь воняет. Это больше не Смертидея. Это плод вашего воображения. Вы просто куча мудаков, которые занимаются мудизмом в своей мудацкой Смертидее.

– Смертидея – ха, не смешите меня. Какая может быть Смертидея, если она не нападает и не кусается.

– Я один знаю о Смертидее больше, чем вы все вместе взятые, и Чарли тоже, который думает, что он умнее всех. Мой мизинец больше понимает в Смертидее, чем вы.

– Вы же представления не имеете о том, что здесь происходит. А я знаю. Знаю. Знаю. К черту Смертидею. Я больше забыл Смертидею, чем вы ее знали. Я буду жить в Забытых Делах. А вы торчите в этой проклятой крысиной дыре.

Кипяток вскочил, сбросил курицу на пол, потом, шатаясь и громко топая, выскочил за дверь. Над столом повисла ошеломленная тишина, никто не мог вымолвить ни слова.

Потом Фред сказал:

– Не переживай из-за него, Чарли. До завтра он протрезвеет, и все будет нормально. Он просто опять пьян – когда

трезвый, он совсем другой.

— Нет, кажется, он ушел навсегда, — сказал Чарли. — Надеюсь, это к лучшему.

Вид у Чарли был очень грустным, и всем стало очень грустно, потому что Кипяток был родным братом Чарли. Все сидели и смотрели в свои тарелки.

Время

Проходили годы; Кипяток так и жил в Забытых Делах, собирая потихоньку банду из тех, кто был на него похож, кто верил в то, что он говорил и делал, вел себя как он, — тех, кому нравилось копаться в Забытых Делах и пить виски, сделанные из того, что там находилось.

Иногда они приводили в чувство кого-нибудь из банды и отправляли его в город продавать забытые вещи, среди которых попадались красивые и необычные, или книги, которые мы тогда жгли вместо дров, потому что в Забытых Делах они валялись миллионами.

Хлеб, еду и прочий хлам они добывали из забытых вещей, так что могли жить, не занимаясь ничем, кроме раскопок и пьянства.

Маргарет подросла, превратилась в очень красивую молодую женщину, и мы все крепче привязывались друг к другу. Однажды Маргарет пришла ко мне в хижину.

Я всегда узнавал ее еще до того, как она появлялась, — по

тому, как она ступала на доску, на которую всегда наступает, – и все мои внутренности натягивались от радости, как веревки на колокольне.

Она постучала в дверь.

– Входи, Маргарет.

Она вошла и поцеловала меня.

– Что ты сегодня делаешь? – спросила она.

– Нужно идти в Смертидею доделывать статую.

– Ты все еще лепишь этот колокол? – спросила она.

– Да, – сказал я. – Очень медленно движется. Слишком долго. Хочется уже закончить. Устал я от этой штуки.

– А что ты будешь делать потом? – спросила она.

– Не знаю. У тебя есть какие-то идеи, милая?

– Ага, – сказала она. – Хочу сходить в Забытые Дела, посмотреть, что там есть.

– Опять? – сказал я. – Тебе определенно понравилось.

– Там интересно, – сказала она.

– Ты, наверное, единственная женщина, которой там нравятся. Все остальные боятся Кипятка и его банды.

– Там интересно. Кипяток безобидный. Ему нужно только напиться.

– Хорошо, – сказал я. – Все в порядке, милая. Приходи вечером в Смертидею. Я повожусь немножко с колоколом и тоже приду.

– Ты пойдешь со мной? – спросила она.

– Нет, мне еще нужно тут кое-что сделать.

– Тебе помочь? – спросила она.

– Не надо, это так, ерунда, я сам.

– Тогда ладно. До встречи.

– Только сначала поцелуй меня, – сказал я.

Она подошла ближе; я крепко обнимал Маргарет, целовал ее в губы, потом она засмеялась и убежала.

Колокол

Через некоторое время я пошел в Смертидею лепить колокол. Работа не двигалась вообще, и в конце концов я просто сел на стул и стал смотреть.

Резец вяло болтался у меня в руке, я бросил его на стол и бездумно закрыл тряпкой.

Подошел Фред и увидел, как я сижу, тараща на колокол. Он ушел, не сказав ни слова. Эта штука даже отдаленно не напоминала колокол.

Наконец пришла Маргарет и спасла меня. На ней было красивое платье, в волосах лента, а в руках она держала корзину, чтобы складывать туда всякие штуки из Забытых Дел.

– Как колокол? – спросила она.

– Он закончен, – сказал я.

– Что-то непохоже, – сказала она.

– Он закончен, – сказал я.

Полин

По пути из Смертидеи мы встретили Чарли. Он сидел на своей любимой кушетке и кормил крошками хлеба собравшуюся вокруг форель.

– Куда собираетесь, ребята? – спросил он.

– Просто погулять, – сказала Маргарет прежде, чем я успел открыть рот.

– Что ж, хорошей прогулки, – сказал Чарли. – Замечательный день, правда? Сегодня отличное голубое солнце.

– Конечно, – сказал я.

Появилась Полин – сначала она заглянула в дверь, потом подошла ближе.

– Всем привет, – сказала она.

– Привет.

– Что ты хочешь на обед, Чарли? – спросила она.

– Ростбиф, – сказал Чарли в шутку.

– Ну, так ты его получишь.

– Вот так сюрприз, – сказал Чарли. – Сегодня что, мой день рождения?

– Нет. Как у вас дела, ребята?

– У нас хорошо, – сказал я.

– Гулять собираемся, – сказала Маргарет.

– Это здорово. До встречи.

Забутые Дела

Никто не знает, сколько лет Забытым Дела; касаясь нас одной стороной, они теряются в такой дали, до которой мы не можем добраться и не хотим.

Никто не заходил в Забытые Дела слишком далеко, кроме того парня, который, по словам Чарли, написал о них книгу, и могу представить себе, как трудно ему было выдержать там так долго.

Забутые Дела тянутся, и тянутся, и тянутся, и тянутся, и тянутся, и тянутся, и тянутся, и тянутся. Теперь ты представляешь, что это такое. Это очень большое место, гораздо больше нашего.

Сквозь голубой солнечный день шли мы с Маргарет, держась за руки, потому что мы были близки, и над нашими головами проплывали светлые облака.

Мы прошли через много рек, миновали много статуй и только тогда увидели, как солнце отражается от крыш тухлых хижин кипятковской банды, расположившихся у входа в Забытые Дела.

Перед нами были ворота. За воротами стояла скульптура забытой вещи. Надпись над воротами гласила:

ЭТО ВХОД В ЗАБУТЫЕ ДЕЛА
ОСТОРОЖНО
МОЖНО ПОТЕРЯТЬСЯ

Разговор со шпаной

Появился Кипяток. Одежда на нем была мятая и грязная, как и он сам. Вид у него был неряшливый и пьяный.

– Привет, – сказал он. – Опять к нам, а? – Он обращался больше к Маргарет, чем ко мне, хотя смотрел на меня. Такой человек был Кипяток.

– Просто посмотреть, – сказал я.

В ответ он рассмеялся. Из хижин выползли два мужика и уставились на нас. Вид у них был, как у Кипятка. Злобой и виски, сделанными из забытых вещей, они превратили себя в такой же хлам, как и он.

Один из мужиков, рыжеволосый, сел на кучу непонятного хлама и уставился на нас, словно животное.

– Добрый вечер, Кипяток, – сказала Маргарет.

– Добрый вечер, красавица.

Мужик из кипятковской шпаны засмеялся, но я зло посмотрел на него, и он заткнулся. Другой вытер рукавом рот и ушел в хижину.

– Это они по-дружески, – сказал Кипяток. – Не обижайтесь.

– Мы пришли просто посмотреть на Забытые Дела, – сказал я.

– Что ж, они ваши, – сказал Кипяток, обводя рукой Забытые Дела, уходящие ввысь до тех пор, пока огромные кучи

забытых вещей не превращались в горы, тянувшиеся вдаль на миллионы миль.

Там

МОЖНО ПОТЕРЯТЬСЯ

и мы вошли через ворота в Забытые Дела. Маргарет огляделась вокруг в поисках вещей, которые могли бы ей понравиться.

В Забытых Делах не растут растения и не живут животные. Здесь не найдешь ни травинки, и даже птицы не хотят сюда летать.

Я сел на что-то, напоминающее колесо, и стал смотреть, как Маргарет, подобрав палкообразную забытую вещь, разгребает ею кучу других вещей.

Что-то лежало у моих ног. Кусок льда, формой напоминавший большой палец руки, только с горбом.

Это и в самом деле оказался горбатый и очень холодный палец, но едва я взял его в руку – он начал таять.

Когда растаял ноготь, я бросил палец на землю, теперь он лежал около моей ноги и больше не таял, несмотря на то, что воздух был теплым, а с неба светило горячее голубое солнце.

– Нашла что-нибудь? – спросил я.

Хозяин Забытых Дел

Подошел Кипяток. Мне доставило мало радости видеть его вновь. В руках он держал бутылку виски. Нос у него был красным.

– Нашли что-нибудь? – спросил Кипяток.

– Нет еще, – сказала Маргарет.

Я бросил на Кипятка презрительный взгляд, который ска-
тился с него, как с гуся вода.

– Я видел сегодня настоящие хорошие интересные вещи, –
сказал Кипяток. – Перед тем, как идти на ланч.

Ланч!

– В четверти мили отсюда. Могу показать, – сказал Кипя-
ток.

Я не успел сказать нет, Маргарет сказала да, она уже го-
това была идти за ним куда угодно, что меня совсем не ра-
довало, но я не хотел устраивать сцену, особенно на глазах
у Кипятка, чтобы он пересказывал потом своей банде и они
смеялись бы над нами.

Это отнюдь не поднимало настроение.

Мы шли за пьяным уродом туда, докуда, по его словам,
было не больше четверти мили, а на деле оказалась целая
миля, и, то карабкаясь вверх, то сползая вниз, поднимались
все выше и выше в Кучи.

– Отличный день, правда? – сказал Кипяток, останавли-

ваясь, чтобы перевести дыхание, у большой кучи чего-то, отдаленно напоминавшего консервные банки.

– Правда, – ответила Маргарет, улыбаясь и показывая рукой на облака, которые ей, очевидно, нравились.

Это вывело меня из себя: приличная женщина не должна улыбаться Кипятку. И я не мог отделаться от мысли: что же дальше?

Наконец мы добрались до того, что Кипяток считал необычайно интересным и ради чего тащил нас в такую даль по Забытым Делаам.

– Ой, как красиво! – радостно воскликнула Маргарет и принялась складывать их в корзинку – специальную корзинку, которую она принесла для таких вещей.

Я смотрел и не видел в них ничего особенного. Они были даже уродливы, сказать по правде. Кипяток стоял, прислонившись к забытой вещи, оказавшейся одного с ним роста.

На обратном пути

Мы с Маргарет долго и молча возвращались в Смертидею. Я не предложил ей помочь нести корзину.

Корзина была тяжелой, Маргарет вспотела, и нам несколько раз приходилось останавливаться, чтобы она могла отдохнуть.

Мы сидели на мосту. Этот мост был сделан из камней, собранных далеко и сложенных по правилам этого далека.

- Что случилось? – спросила Маргарет. – Что я не так сделала?
- Ничего не случилось. Ты ничего не сделала.
- Тогда за что ты на меня злишься?
- Я на тебя не злюсь.
- Злишься, я же вижу.
- Нет.

Что-то случится

Случилось через месяц, и никто не знал, что это будет. Откуда мы могли знать, что Кипятку придет в голову такое?

Столько лет потрачено на то, чтобы избавиться от тигров и ужасов, которые они с нами творили. Как ему могло захотеться чего-то еще? Я не знаю.

Целый месяц в Смертидее все было хорошо. Я работал над новой статуей, а Маргарет продолжала свои походы в Забытые Дела.

Работа двигалась плохо, и очень скоро я стал просто приходить в Смертидею и смотреть на недоделанную скульптуру. Ничего не получалось, и это не было для меня новостью. Мне не везло со статуями. Я уже давно подумывал о том, чтобы найти работу на Арбузных Делах.

Иногда Маргарет уходила в Забытые Дела одна. Я волновался. Она была слишком красива, а Кипяток и его банда слишком уродливы. Мало ли что взбредет им в головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.